

**НЕОТЕХНОКРАТИЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОИСКА
СОЦИАЛЬНОГО ИДЕАЛА В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА
(ТЕОРИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА)**

У статті аналізується розвиток класичних технократичних ідей у другій половині ХХ століття й обґрунтовується висновок про трансформацію у цей час ідей класичного технократизму в новий концептуальний стан – неотехнократизм, головним предметним полем якого стала теорія постіндустріального суспільства. Аналізуються особливості неотехнократичної експлікації діалектики влади і знання в рамках теорій постіндустріального суспільства Зб. Бзежинського, Дж. Гелбрейта, А. Турена, Д. Белла.

Ключові слова: влада, знання, неотехнократизм, технологічний детермінізм, постіндустріальне суспільство, соціальний ідеал.

The development of the classic technocratic ideas at the second part of the XXth century is being analyzed and the conclusion about transforming the ideas of the classic technocratic in the new conceptual condition to neotechnocratism has been grounded at this time. The theory of the postindustrial society has become the main research of the field. The peculiarity of the neotechnocratic explication of the dialectics of the power and knowledge at the frames of the postindustrial society is being analyzed.

Key words: power, knowledge, neotechnocratism, technological determinism, postindustrial society, social ideal.

Данная работа является логическим продолжением того анализа, который мы начали в одной из статей [1], когда попытались показать новый способ решения проблемы диалектики власти и знания в концептуальном пространстве технократизма, закономерность его возникновения в рамках парадигмы технологического детерминизма как интеллектуальную реакцию на качественное изменение места и роли технического фактора в жизнедеятельности общества. Конкретной задачей в данном случае будет выяснение субстанциональной трансформации общей и прежде всего частной теории в новых социально-технических условиях, эти условия мы определяем как эпоху постиндустриализма, а теорию как неотехнократизм. Актуальность этого сюжета связана, с одной стороны, с недостаточной разработанностью проблематики экспликации меритократической модели социального идеала в концептуальном пространстве неотехнократизма в социально-философской литературе, особенно отечественной, а с другой стороны, с тем, что постиндустриализм, как некий образ организации общества, распространяясь в географическом пространстве, уже стучится и в наши, украинские кордоны.

Очередная волна научно-технической революции во второй половине ХХ столетия повлекла за собой новые и весьма существенные сдвиги практически во всех сферах общественной жизни. Трудоемкое индустриальное производство, на котором основывалась экономика большинства развитых стран в довоенные годы, подверглось

серьезным изменениям, связанным с автоматизацией и технологизацией производственного процесса, и постепенно начало терять свое доминирующее положение в структуре экономической деятельности. На первый план все в большей мере выдвигались наукоемкие отрасли производства, а также сфера услуг в широком понимании этого слова. Вполне закономерно, что вслед за этим начала меняться социальная структура общества – рост занятости наблюдался теперь преимущественно в сфере услуг, образовании, здравоохранении, научных и правительственных учреждениях. Приоритетными социальными качествами едва ли не во всех областях деятельности стали профессионализм, компетентность, владение информацией, теоретическое знание, то есть все то, что дается человеку специальным образованием и подготовкой и не может быть присвоено иным путем. Фактически, знание впервые в истории западной цивилизации становится реальной основой общественной жизни, и это повлекло за собой существенные перемены не только в экономике и социальных отношениях, но и в политике, культуре, мировоззрении.

Указанные перемены не прошли мимо внимания интеллектуалов. Новая волна научно-технической революции и порожденные ею принципиально новые социальные последствия детерминировали адекватные изменения в философской экспликации идеального и актуального. Социальный идеал вновь все чаще и основательнее стал осмысливаться в категориях и методах технологического детерминизма. Однако это уже был не тот радикальный техницизм начала века. Две главные причины привели к его качественной трансформации. Во-первых, это интеллектуальное переосмысление места и роли технического фактора в жизнедеятельности общества. На смену первым и как всегда преувеличенным впечатлениям пришло более осознанное понимание того, что техника как элемент человеческой культуры не может иметь надсоциальной, абсолютно автономной и тотальноприоритетной детерминистской природы. Во-вторых, это нарастание экологических и социальных проблем в результате порой неконтролируемого развития техники и соответствующая реакция на эти негативные последствия (в интеллектуальной сфере крайней формой такой реакции стали быстро формирующиеся идеи антитехницизма и технофобии). Стала очевидной более сложная и неоднозначная природа взаимоотношений техники и человека, технического фактора и социума, техносферы и биосферы. Общим вектором парадигмальных перемен стала социализация и гуманизация технологического детерминизма. Некоторые признанные классики данной парадигмы даже начали позиционировать себя относительно технологического детерминизма с определенными оговорками, так, например, Д. Белл в предисловии к общепризнанному манифесту постиндустриализма заявил: «Я не отношусь к технологическим детерминистам (в том смысле, в каком К. Маркс был экономическим детерминистом)» [2, с. XCIX].

Вполне закономерно, что в новых интеллектуальных и социально-технологических условиях начал меняться характер и технократических идей. Глубина этих перемен, на наш взгляд, оказалась настолько существенной, что появились необходимые и достаточные основания говорить о формировании нового

этапа в развитии технократических идей. Этот этап мы и называем неотехнократизмом. С одной стороны, он по-прежнему исходил из признания приоритетной роли рационального знания и технической элиты. Однако, с другой стороны, и рациональное знание и техническая элита стали трактоваться несколько по иному. Так, например, неовеберянцы, внесшие огромный вклад в формирование новой теоретической платформы неотехнократизма, исходили из того, что научно-технический прогресс есть углубляющийся процесс взаимодействия формальной рациональности (рационального выбора технических средств для достижения определенной цели) и субстанциональной рациональности (содержательном, ценностном обосновании выбора и средств, и цели). Классический же технократизм исходил из отождествления мира техники, технического фактора с первым видом рациональности, в результате чего в управленческом процессе вытеснялась критическая функция, основанная на субстанциональной рациональности, и ее социальная институциональность – свободный интеллектуал, а экспертная функция и технический специалист занимали, естественно, все пространства управления. Таким образом, преодоление недостатков классического технократизма должно идти по пути сочетания экспертной и критической функции, технических специалистов и свободных интеллектуалов, т.е. современное рациональное знание должно быть синтезированным, только в этом случае, по мнению Зейфарта, мы можем говорить об «истинной рациональности» [3, р. 34]. Таким образом, рамки технократической элиты были логично расширены за счет носителей другого, нетехнического знания, однако это по-прежнему были высокообразованные профессиональные интеллектуалы.

На наш взгляд, главной теорией второй половины XX века, олицетворявшей новое состояние технологического детерминизма и неотехнократизма, была теория постиндустриального общества. В принципе теорию постиндустриального общества, на наш взгляд, вполне можно классифицировать как метатеорию. В той или иной мере в той или иной форме с ней были связаны практически все хоть сколько-нибудь заметные представители социальной теории и многие ее конкретные направления. Именно здесь в это время сосредоточились основные интеллектуальные силы по осмыслению взаимодействия знания и власти и определению меритократической модели социального идеала.

Хотя термин «постиндустриальное общество» был введен в научный оборот еще в начале XX столетия специалистом по истории азиатских обществ А. Кумарасвами, а затем в 1917 г. использован теоретиком английского либерального социализма А. Пенти, только в конце 40-х гг. в исследованиях К. Кларка «Экономика в 1960 г.» и Ж. Фурастье «Великая надежда XX века» были разработаны методологические основы теории постиндустриального общества в ее современном понимании и методологической идентификации. Особенно стоит отметить в этом отношении работу Ж. Фурастье, который во многом предвосхитил последующие изыскания теоретиков постиндустриализма [4]. Он впервые предположил, что основным классом в новом постиндустриальном обществе станут представители интеллектуальных профессий, физический труд потеряет значение основного источника заработка для большинства населения, а средства производства перестанут быть предметом

классовой борьбы. Технологический прогресс во всех отраслях, по мнению Фурастье, приведет к тому, что важнейшей ценностью в обществе станут знания и технологии, а главной общественной силой – технические специалисты и ученые – технократическая элита, к которой перейдет значительная часть реальной экономической и политической власти. Важнейшей задачей государства станет планирование и эффективный контроль над экономикой, вследствие чего оно вынуждено будет опираться на помощь специалистов в значительно большей степени, чем это было ранее, и они впервые таким образом приобщаются к сфере социального управления.

Резкое возрастание интереса к осмыслению социального идеала в проблемном поле технологического детерминизма обозначилось в конце 60-х – начале 70-х гг. Толчком к тому послужил, с одной стороны, острый социальный кризис, поразивший в это время едва ли не все страны Запада, а с другой стороны, новый всплеск научно-технического прогресса. Пожалуй, наиболее концептуализировано идеи этого периода отразились в работе З. Бжезинского «Между двух веков. Роль Америки в технотронную эру». По мнению Бжезинского, перемены, происходящие у всех на глазах, свидетельствуют о начале так называемой «технотронной революции», выдвигающей технику и знание на первое место в глобальном мировом развитии. «Постиндустриальное общество, – утверждает он, – становится технотронным обществом – обществом, которое в культурном, психологическом, социальном и экономическом отношениях формируется под воздействием техники и электроники, особенно развитой в области компьютеров и коммуникаций, и в котором индустриальные процессы уже не являются решающим фактором социальных перемен и эволюции образа жизни, социального строя и моральных ценностей» [5, р. 9-10].

Технотронная революция накладывает свой отпечаток на характер образного восприятия действительности, рушатся традиционные связи в семье и между поколениями, общественная жизнь фрагментируется, исчезает политическая замкнутость государств. Этот парадокс, по мнению Бжезинского, способствует краху старых верований, связанных с национальными и идеологическими общностями людей, и формирует новое глобальное видение мира. Изменения, вызванные коммуникациями и компьютерами, формируют принципиально новые отношения в обществе, так как все его члены находятся теперь в непрерывном аудиовизуальном контакте, не опосредованном ни печатным словом, ни культурными или идеологическими барьерами. Электронные аудиовизуальные средства связи создают новое видение мира и новый путь к равенству – через деидеологизацию, означающую освобождение от всех организованных форм веры и предлагающую избирать стили жизни, опираясь на свои чувства и потребности, а не на цели, лежащие в основе политических программ и движений. Идеология и политика, основанная на империалистических амбициях и борьбе за ресурсы, в таких условиях уходит в прошлое. Естественным образом теряют свое значение и прежние властные группы – промышленники, олигархи, государственная бюрократия, политические партии. Властной элитой в технотронном обществе, по мнению Бжезинского, должны стать

те, кто имеет возможность контролировать и направлять процессы, определяющиеся логикой развития технологического прогресса, т.е. ученые, менеджеры, работники информационной сферы, технические специалисты. После «смерти идеологии» и традиционной политики именно от этих людей будет зависеть развитие всего человечества и только они окажутся носителями реальной эффективной власти [там же, р. 12-16].

Бжезинский полагал, что новое поколение людей – студенты и молодежь в целом – уже повсеместно перешло в технотронную эпоху и живет по ее законам, в принципиальном ином, деидеологизированном мире, отличном от того мира, в котором живут остальные люди. Именно из этого поколения, по его мнению, и сформируется впоследствии «технотронная элита», к которой перейдет власть над миром [там же, р. 18-20, 107-108].

Главными же для Бжезинского были, однако, ближайшие политические перспективы приближения «технотронной эры». На пути к новому обществу единственным мировым лидером, по его мнению, окажутся Соединенные Штаты, ибо и в технологическом, и в социальном плане они являются наиболее близким к «технотронному веку» обществом. Глобальный экспорт американской массовой культуры, несущей в себе ростки новой эпохи, ускорит всемирный «конец идеологии» и будет способствовать, прежде всего, упадку коммунистической доктрины, порожденной отживающим индустриализмом. В этом и заключается для Бжезинского историческая миссия Америки – она приведет мир к «технотронной эре». Победа «технотронных идеалов», конечно, изменит и само американское общество, но это будет необходимая плата за лидерство, которая к тому же очистит и саму Америку от негативных последствий индустриализма.

Таким образом, в концепции Бжезинского идея постиндустриального общества, новая теория технократизма и технологического детерминизма впервые получили форму политической доктрины и таким образом начала прорабатываться технология реализации вполне определенного социального идеала в глобально-политическом масштабе.

Совершенно с иных позиций подошел к проблеме постиндустриального общества Дж. Гэлбрейт. В своей работе «Новое индустриальное общество» он предпринял попытку широкой социально-философской экспликации процесса трансформации современного капитализма под воздействием научно-технической революции в некий постиндустриальный идеал. Главнейшим институтом нового общества, по его мнению, являются уже не фирма или банк, а крупная корпорация. Причем значение корпораций у него выходит далеко за пределы непосредственного производства и сбыта продукции. Используя коммуникационные технологии, эффективный менеджмент и различные научные разработки, корпорации фактически контролируют рынок, формируют его в соответствии со своими потребностями, влияя таким образом на все общественные процессы и государственную политику. Таким образом, по мнению Гэлбрейта, происходит расширение социальных функций корпорации. Принципиально новая социально-экономическая роль корпораций стала возможной благодаря тому, что фактическая власть в них перешла от владельцев-

предпринимателей к управленческому аппарату в широком понимании этого слова. «Большие размеры корпорации, – отмечает Гэлбрейт, – и соответствующее им планирование тесно связаны с изменениями в управленческих структурах. Один человек, имевший права собственности, уже не может осуществлять сколько-нибудь значительную власть в своей организации» [6, с. 54]. Теперь для принятия важных решений «требуются коллективные знания и опыт многих людей». Эту новую правящую элиту Гэлбрейт называет «техноструктурой» – это «люди знания», те, кто знает, как реально осуществлять управление, опираясь на научную теорию и анализ практики. «Власть перешла к тем, кто обладает относительными знаниями, к некой коллективной единице, которую я назвал «техноструктурой» [там же, с. 14]. В наиболее широком понимании это не просто директора производств и начальники отделов, но целая совокупность «ученых, инженеров и техников, специалистов по реализации, рекламе и торговым операциям, экспертов в области отношений с общественностью, лоббистов, адвокатов и людей, хорошо знакомых с особенностями вашингтонского бюрократического аппарата и его деятельности, а также посредников, управляющих, администраторов» [7, с. 44]. Техноструктура реально руководит всем процессом производства и вообще всеми делами корпорации, как внутри ее, так и за ее пределами, является ее мыслительным и организующим центром. Таким образом, неотехнократия, в понимании Гэлбрейта – это власть техноструктуры.

Две главные цели преследует техноструктура в организации общества – это постоянный рост производства и корпораций и ограждение себя от вмешательства извне и возможного разрушения. Только добившись этого, она может сохранить себя и свой статус. Поэтому члены техноструктуры, пользуясь своими знаниями и положением, с одной стороны, всячески защищают свое положение «ученых», «экспертов» и «незаменимых специалистов» и стремятся поддерживать независимое социальное положение, с другой – всячески способствуют интенсификации и совершенствованию производства, дабы обеспечить постоянный экономический рост компании. Преследуя такие цели, техноструктура всеми своими силами способствует ускорению научно-технического прогресса, позитивно влияя на динамику общественного развития.

Почему же откровенно определяя половину целей техноструктуры как частные, корпоративные, Гэлбрейт тем не менее обосновывает ее всеобщее социальное значение и более того, полную легитимность ее власти?

Фактическая власть техноструктуры над обществом и государством практически ни у кого не вызывает противления прежде всего потому, что в основе этой власти лежит знание – ценность, которая становится все более значимой по мере развития научно-технического прогресса. Сама же деятельность техноструктуры в общих чертах соответствует потребностям общества в гораздо большей степени, чем деятельность других социальных прослоек и поэтому представляется большинству населения почти что «непогрешимой». И это происходит потому, что представители техноструктуры, как «знающие профессионалы», могут лучше, чем кто-либо другой определить общественные интересы и, пользуясь своей властью, придать им

необходимую направленность. Гэлбрейт резюмирует свои рассуждения о легитимности техноструктуры в следующем весьма красноречивом пассаже: «Техноструктура состоит из управляющих корпораций, юристов, ученых, инженеров, экономистов, контролеров, лиц, занимающихся рекламой, и торговых работников. У нее есть союзники и помощники в юридических фирмах, рекламных агентствах, консультативных фирмах по вопросам управления и бухгалтерских фирмах, в школах бизнеса и технических колледжах, а также в университетах. В совокупности они представляют собой наиболее уважаемых членов общества. Их вообще больше всего в обществе, меркой богатства которого является изобилие. Их мнение по вопросам государственной политики – это мнение, вызывающее благоговейное почтение, ... но оно всегда представляет собой ту точку зрения, которая отражает потребности планирующей системы. Бесплезное дело доказывать, что она будет противоречить общественным интересам – то, что служит техноструктуре: защита независимости ее решений, содействие экономическому росту, стабилизация совокупного спроса, подготовка квалифицированной рабочей силы, государственные расходы и капиталовложения... и другие составляющие ее успеха – это и есть общественные интересы» [там же, с. 146]. (Помним, что примерно аналогичным образом проблему конфликта частных и общих интересов бюрократии решал еще М. Вебер).

В представлении Гэлбрейта, власть техноструктуры выходит далеко за пределы компаний. Она управляет системой планирования всех корпораций, а поскольку они контролируют рынок и через него – общество, фактически техноструктура руководит и всем «новым индустриальным обществом». Пользуясь своим положением и властью, она влияет на социальные процессы, культуру и, особенно, государственную политику. В последней области техноструктура тесно сотрудничает с государственной бюрократией, и именно это сотрудничество, а не коррупция или теневые переговоры, обеспечивает сближение корпораций с государством и даже ставит государство в зависимость от корпоративного капитализма [там же, с. 112-125]. Эффективное сотрудничество техноструктуры с бюрократией объясняется пересечением их интересов и социальных статусов и всегда является взаимовыгодным.

Своей концепцией техноструктуры Гэлбрейт фактически открыл новую форму власти знания в современном капиталистическом обществе, власти, которая уже существует, а не только возникнет в будущем. В этом и некоторых других аспектах он выступил продолжателем Макса Вебера, показав, что на место старой государственно-промышленной бюрократии в постиндустриальную эпоху приходит новая властная элита, «называемая в народе истеблишментом», могущество которой уже вполне реально, хотя еще и не осознается многими, что в основе власти лежит рациональное знание. Однако, как и Вебер, Гэлбрейт идеализирует свою рациональную бюрократию – «техноструктуру», выделяя в ней не только реальные, но и желаемые черты. Что, в принципе, вполне приемлемо для проработки социального идеала.

Еще более социализированный вариант технологического детерминизма мы находим у французского социолога А. Турэна, который почти в одно время с

Гэлбрейтом выпустил книгу «Постиндустриальное общество: Социальная история завтрашнего дня», несколько позже получившую подзаголовок «Классы, конфликты и культура в программированном обществе». Турэн много внимания уделил наступающему кризису индустриального общества и показал, что новое, постиндустриальное общество «вырастает» из этого кризиса без какого-либо жесткого разрыва. Социальные волнения конца 60-х он считал не более чем временной «реакцией контркультуры» на кризис индустриализма.

Вполне в духе технологического детерминизма Турэн отмечает, что новое общество будет характеризоваться главным образом господством знаний, информации и технологии абсолютно во всех сферах деятельности. Однако он идет значительно дальше, трансформируя классическую парадигму в некий неотехнологический детерминизм. По его мнению, в новом обществе уже не только технологии, а прежде всего социально-политические процессы, происходящие внутри «организаций» и человеческих сообществ, будут являться движущей силой новых перемен. Технологии для Турэна – не более чем средство преобразований, их техническая составляющая, они не должны скрывать от нас «социетальный характер перемен». Как индустриальное общество нельзя было назвать «обществом парового двигателя» или «обществом электричества», так и постиндустриальное общество не может быть «компьютерным», «атомным» или даже «технологизированным». Любая технология значима для общества только в той степени, в какой ее используют люди для своих целей, и меняют мир не технологии или информация, а люди, оперирующие теоретическим знанием и технологиями. Не технологии сами по себе являются наиболее характерной чертой наступающего общества, а возможность научного планирования, «программирования» всех сфер человеческой деятельности. Если главным принципом индустриального общества была организация труда и производства, то в постиндустриальном обществе важнейшим становится научное программирование, позволяющие постоянно обновлять производство и создавать системы эффективного управления и прогнозирования. Новое общество стремится полностью контролировать все процессы производства, распределение и потребление и рассчитывать их на много лет вперед. Это происходит не только в промышленности, но и в сфере услуг, в системе образования, здравоохранения, в области политики и т.д. Все везде строится согласно разработанным программам и моделям, причем, зачастую, уже даже неосознанно, просто в соответствии с основным принципом производства. Поэтому Турэн считает, что его следует называть даже не постиндустриальным, а, скорее, программированным [8, p. 12-43].

В наибольшей же степени французского исследователя занимают проблемы социальной структуры нового общества и организации в нем власти. Он считает, что программированное общество, несомненно, останется классовым, и первым среди теоретиков постиндустриализма пытается выявить существующие в нем классы и исследовать возможные классовые конфликты. Турэн полагает, что новое общество будет весьма нестабильным в социальном плане, даже, возможно, еще более нестабильным, чем индустриальное. Ведь если в последнем главным организующим принципом была строгая модель порядка, то в новом обществе главным является

программирование и информация, которые обуславливают крайнюю сложность, многоуровневость и даже хаотичность внутренней структуры. Более того, навязывание модели «правильного порядка» даже опасно для программированного общества.

Но Турэн, конечно же, не анархист, он за организацию власти и порядка, только на иных основах – знании и знающей элите, что в принципе и есть чистая меритократия. Господствующей силой в новом обществе, по его мнению, должна стать технократия – класс организаторов и руководителей производства, тех, кто благодаря своим знаниям и профессиональным навыкам «осуществляет замысел», т.е. планирование и программирование общественных и экономических процессов [там же, р. 55-70]. В более поздней работе Турэн прямо отождествляет этот класс с техноструктурой Гэлбрейта [9, с. 423]. В его понимании к технократии относятся не только директора фирм, менеджеры и технические специалисты компаний, но также и государственные чиновники-бюрократы, которые осуществляют технократические функции в области государственного планирования и политики. В этом явно отражается влияние французской действительности, где бюрократический аппарат всегда имел большое влияние на все сферы жизни и прямо отождествлялся с технократией.

Вместе с тем, Турэн специально подчеркивает, что технократию нельзя отождествлять с государственной администрацией, как это часто делается во Франции. «Существует как общественная, так и частная технократия, как существует капиталистическая и коллективистская технократия» [8, р. 55-57]. Так же, как и Гэлбрейт, он считает, что она всегда защищает прежде всего свои интересы, как класса, но не интересы правительства или собственников капитала. Технократия – «это машина, а не просто сила воли», которая в конечном итоге работает на саму себя, хотя и способствует тем самым прогрессу. В системе же социальных отношений технократия выступает «господствующим, контролирующим классом», классом, который не только «формулирует и направляет производственные программы», но и «обладает властью осуществлять создание культурных моделей и социальных норм». Более того, этот класс имеет уважаемое положение в обществе, так как его члены воспринимаются как заслуженные «знающие люди», добившиеся высокого статуса усердным обучением и интеллектуальным трудом [там же, р. 52]. То есть в этом вопросе Турэн следует логике Гэлбрейта.

Технократия, таким образом, полностью доминирует в обществе «программированного типа» и стремится к подавлению «угнетенного класса». Очень интересно, что Турэн – один из немногих теоретиков, которые анализируют не только господствующую элиту, но и подчиненную социальную группу, а таким образом, и власть как процесс. В качестве угнетенных у него выступают те, кто «осуществляет или переносит программы», созданные технократией, «исполняет ее замысел» и принимает «модели и нормы». Их предназначение – «принимать исполнение роли, предписываемой ему контролирующим классом, или же пытаться разрушить, «монополию на историчность», удерживаемую этим классом». Таким образом, Турэн допускает социальное сопротивление технократической элите и даже классовую

борьбу. К угнетенному классу в программируемом обществе, по мнению Турэна, относятся прежде всего рабочие, а также часть «беловоротничковых» работников, служащих и клерков, которые «пролетаризировались» вследствие технологизации и автоматизации всех сфер деятельности. К этому классу уже начинают примыкать по этой же причине учителя и врачи. Этот угнетенный класс не исчезнет никогда, каково бы не было развитие научно-технического прогресса, ведь если «контролирующий класс обладает способностью создавать модели социального потребления, он никогда не сможет охватить тех, кто воплощает эти модели в практику» [там же, р. 58]. Более того, между двумя этими классами всегда существует разрыв и отчуждение, так как один из них стремится полностью моделировать жизнь второго, воспринимает его лишь как материал для создания программы и модели.

Однако главная сфера конфронтации в программируемом обществе, по мысли Турэна – это область «знаний и идей». Именно здесь в будущем будет происходить основная борьба, что видно уже сейчас на примере постоянного конфликта из-за реформы образования. В то время как технократическая элита стремится перестроить школы и университеты в центры профессиональной подготовки будущих кадров, противостоящие им силы, считая, что этот план разработан властью имущими, напротив, настаивают на демократизации и либерализации образования, превращения его в игру, в школу свободной мысли и т.д. Вместе с тем, необходимость перемен в этой области осознается всеми, так как традиционная образовательная система передает преимущественно культурное наследие индустриальной и доиндустриальной эпохи и в условиях программированного общества оказывается бесполезной [9, с. 428-429].

Такой акцент на знании объясняется тем, что в новом обществе оно превратилось в производительную силу, присвоение которой теперь также важно, как присвоение собственности в индустриальную эпоху. Кроме того, чем больше общество программируется и само изменяется, тем больше оно вынуждено руководствоваться символическими представлениями о себе и о социальной деятельности, которые и воплощаются в теоретическом знании. Без него становится не возможной сама жизнь как таковая, и успех в любой сфере деятельности зависит в конечном итоге только от него. Знание превращается в орудие власти, в предмет борьбы, в смысл политики [8, р. 142-145]. «Интеллектуальный мир, – говорит Турэн, – который казался существующим где-то между обществом и сферой принципов и ценностей, ныне обнаруживает сердцевину социальных конфликтов и уже полностью не способен обрести убежище в объективности или башни из слоновой кости наподобие прежних ученых» [9, с. 429]. Это новое отношение между знанием и обществом, – отношение, при котором «человек знания» даже помимо воли оказывается носителем власти и участником социальной борьбы, а наука больше не может заниматься лишь внешним анализом вещей, а вынуждена выявлять в них глубинные социальные подосновы [8, р. 148-149].

Турэн, таким образом, первым обратил внимание на сложность социальных отношений в постиндустриальном обществе и раскрыл не только позитивные, но и негативные аспекты власти технократии в новой ситуации. Именно после его работы

прослойку «людей знания» стали считать не просто «коллективной единицей», а новым общественным классом, который стремится к доминированию в социуме. С одной стороны, говоря о «моделях и нормах», задаваемых господствующим классом обществу, Турэн, несомненно, был близок к идеям А. Грамши, а с другой стороны, идеи Турэна во многом базируются на теории бюрократии М. Вебера, развивая их на материале новой научно-технической и социально-политической реальности. Помимо этого, Турэну следует воздать должное за то, что он впервые рассмотрел постиндустриальное общество не как какую-то абстрактную технологическую утопию будущего, а как реальный социально-политический организм, в котором сохраняется государство, классы и жесткие отношения власти, основанной на обладании знанием.

Тем не менее, пик развития теории постиндустриального общества, а следовательно, и неотехнократии следует связывать с именем Дэниела Белла и его монографией «Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования». Постиндустриальное общество у Белла – это прежде всего общество знания, общество информации, где теория руководит едва ли не всем. Поэтому знание здесь превращается в важнейший ресурс и основную ценность. В него делаются крупнейшие инвестиции, и именно знание составляет основной капитал этого общества. Соответственно этому в постиндустриальном обществе строятся все социальные отношения, системы престижа, система управления и политическая жизнь.

Таким образом, вопрос о господствующей элите постиндустриального общества не вызывает у Белла сомнений. В качестве таковой будет выступать высший класс интеллектуальных работников, представляющий собою технократию. Однако наиболее значимым в этом отношении для Белла является не просто «переход от собственности или политических критериев к знанию как фундаменту новой власти», а опять же изменение «характера самих знаний», выражающееся в господстве теории над эмпиризмом и кодификации знаний в абстрактные системы символов, которые могут быть применены ко множеству самых различных ситуаций и широко использованы в моделировании различных процессов и вариантов разрешения проблем [2, с. 462]. Теоретическое знание и интеллектуальная технология будут, таким образом, фактически строить будущее общества, организовывать все сферы деятельности, определять жизненный выбор людей. Поэтому «так же, как в течение последних ста лет коммерческое предприятие играло роль ключевого института, в силу его места в организации массового производства товаров, в ближайшие сто лет ее будет играть университет (или какая-то иная форма института знаний) вследствие его функции источника инноваций и знаний» [там же, с. 463].

В таких условиях «новыми людьми», ключевыми фигурами наступающей постиндустриальной реальности оказываются ученые, математики, экономисты и «создатели новой интеллектуальной технологии», точно также как в предыдущем столетии ими были предприниматели, бизнесмены и промышленные руководители. Таким образом, постиндустриальное общество как система выдвигает на передний план общественной жизни фигуру ученого и технического специалиста. Однако сам

по себе ученый и даже технический специалист – это еще не технократ в прямом смысле слова. Технократия – не просто совокупность профессиональных элит, это также определенное мировоззрение и социально-политическая позиция, которые формируют личность человека, претендующего на особое положение в силу своих профессиональных качеств. По его твердому убеждению, технократия проистекает из определенных типов рациональности, присущих европейскому мышлению нового времени и отраженных в философских, социологических и экономических учениях. Однако Белл отнюдь не считает эту идеологию полностью позитивной. В его представлении она жертвует «разумностью» ради рациональности и целью ради средства. Это ярко видно на примере марксизма и особенно теории управления Тейлора, в которой все подчинено только одной задаче – повышению эффективности производства. «В технократической системе целями являются сами по себе производительность и продуктивность, – пишет Белл, – задача превратилась в средство, которое стало самодавяющим» [там же, с. 477]. При таком подходе «вещи начинают управлять людьми», человек как бы исчезает и остаются лишь «руки», «средства производства» и т.д. Таким образом, технократизм в его понимании потенциально антигуманен, но именно он утверждается в постиндустриальном мире, ибо таковы потребности современного технического развития. «Технократия утвердилась потому, что она сфокусирована на эффективности – производства, программ, решения текущих вопросов. Поэтому ей и суждено было распространиться в нашем обществе» [там же]. Белл отнюдь не выступает безоглядным адептом технократии, он просто констатирует и анализирует реалии современной эпохи, позиционируя себя таким образом в роли объективного ученого, а не политика или утописта.

Белл не ограничивается исследованием технократической идеологии, но пытается также проследить реальное взаимодействие специалистов-технократов с политической властью в процессе формирования нового постиндустриального общества. Тот факт, что технократия становится господствующим классом в современном обществе, не вызывает у Белла никаких сомнений. Для него – это закономерность общественного развития. Если в доиндустриальном обществе, основанном на владении землей, такой группой были землевладельцы и воины, в индустриальном, основанном на технике и собственности, – предприниматели, то в постиндустриальном, основанном на знании, – это ученые и исследователи, т.е. технократы [там же, с. 481-482]. Технические знания – основа их власти, а образование – средство достижения этой власти. Однако ученые, по мнению Белла, не монолитны и поэтому не могут составить класс в классическом «веберовском» понимании – то есть группу, объединенную общими экономическими интересами. В высших кругах этой новой элиты «люди являются носителями существенно отличающихся друг от друга ценностей, которые бы могли стать основой нового классового этоса» [там же, с. 486]. Ученые поэтому не могут действовать как корпоративная группа. В практической деятельности они часто расходятся идеологически и различные их группы могут объединяться с различными частями других элит – предпринимательской, политической, военной. Это свойственно всем

доминирующим группам, так как такова сама природа политики – приходя к власти, представители каждой группы стремятся заручиться поддержкой вне ее пределов [там же, с. 482-483]. И в этом смысле Белл близок к теории интеллигенции А. Грамши.

Тем не менее, ученые и специалисты-технократы все же представляют собой в социально-политическом плане определенную общность. Все они являются «порождением новой системы комплектования власти» и объединены «общими нормами новой интеллигенции» – нормами профессионализма, которые знаменуют собой отход от господствующих до сих пор норм экономической выгоды [там же, с. 486]. Классом технократия может считаться только условно – не как конкретная группа лиц, а «как система, устанавливающая основополагающие правила приобретения, владения и передачи различных полномочий и связанных с ними привилегий» [там же, с. 485]. Но для Белла это и есть класс – не социальная общность, а модель «власти и социальной мобильности». В современных Соединенных штатах, в его представлении, таких моделей три – основанная на собственности, основанная на политической должности и основанная на знании, т.е. технократическая. Они сосуществуют одновременно, частично совпадают и взаимно проникают друг в друга. Но первые две из них уже не могут считаться самодостаточными, так как и обладание собственностью, и политическая должность не избавляют от необходимости обращаться к теоретическому знанию. Власть без этого уже оказывается неполноценной [там же, с. 485-486].

В целом для политической сферы постиндустриального общества очевидными, по мнению Белла, становятся два обстоятельства: «во-первых, ученые, как отдельная страта, или, в более широком плане, техническая интеллигенция, теперь должны приниматься в расчет в политическом процессе, чего не случалось никогда прежде; во-вторых, сама по себе наука управляется этосом, отличающимся от этоса других социальных групп (например, предпринимателей и военных), и этот этос предрасполагает ученых действовать в политическом плане иначе, чем поступают другие группы» [там же, с. 483]. Прежде всего, особое положение технократов в политике выражается у Белла в том, что они не отправляют непосредственно политическую власть. Он очень критически подходит к взглядам Т. Веблена в этом вопросе и считает его идею «промышленного переворота как революции инженеров» утопией, неосуществимой на практике. «Совет техников», о котором говорил Веблен, в действительности никогда не возникнет как реальный орган политической власти, так как, независимо от социальных процессов и технологического прогресса, «решающие повороты в обществе происходят в политической форме» [там же, с. 483-484]. Поэтому в конечном итоге власть всегда находится в руках не технократов, а политиков. Все общественные изменения, выдвинувшие технократию на авансцену политической жизни, – создание управляемой экономики, общества благосостояния и мобилизованного государства – были ответами на политические потребности.

Поэтому даже в формирующемся постиндустриальном обществе технократы, несмотря на все их значение, идут за политикой, а не ведут ее за собой, вследствие чего и непосредственная политическая власть оказывается не у них. Политическая же роль технократов определяется тем, что в современном обществе знания и

планирование стали основными предпосылками всякой организованной деятельности. «Представители новой технократической элиты с их техникой принятия решений (использованием системного анализа, линейного программирования и программирования бюджета) стали сейчас играть ведущую роль в формировании и анализе мнений, от которых зависят политические предпочтения, если не само сохранение власти» [там же, с. 486]. Именно поэтому технократы и приобретают характер политической элиты – власть без них не может осуществляться, они «незаменимый административный персонал для руководителей политических ведомств и их приверженцев» [там же, с. 488].

Другое измерение политического процесса – внешнеполитическое – предоставляет технократам еще более весомую роль. Здесь действуют не классовые или групповые, а общенациональные интересы, предполагающие опору на выверенные стратегические технические решения, которые находятся только в компетенции специалистов-технократов. Выполняя основное политическое задание – «противостояние коммунистической мощи» – технократы оказывают огромное влияние на выработку основной политической линии в оборонно-стратегической области. Технологические и стратегические потребности, определяемые технократами, стоят здесь на первом месте, и только потом деловые и местные политические круги пытаются приспособить выработанные под воздействием технократов решения к своим частным экономическим интересам. Технократическая элита в этой сфере получает власть над бизнес-элитой и отчасти над политическими группами.

Таким образом, технократы оказываются у Белла участниками политического процесса и носителями власти, не участвуя непосредственно во властных структурах, а исполняя свои обычные функции технических специалистов. По существу, техническая интеллигенция, является политической общностью «в той мере, в какой она заинтересована в исследованиях и сохранении своего положения в университетах» [там же, с. 488]. Не политика, а теоретическое знание и информация дают ей власть в новом обществе. И хотя влияние технократии «ощущается скорее в бюрократическом и административном лабиринте, чем в системе выборов и массовом давлении», она представляет собой вполне самостоятельную и сильную властную элиту, которая с полным основанием претендует на общественную поддержку.

Итак, можно сделать вывод, что в новых научно-технических и социальных условиях второй половины XX века существенно изменилась как общая парадигма технологического детерминизма, так и теория технократии. Главные изменения связаны с более адекватным пониманием места и роли техники и технических специалистов в жизнедеятельности общества – сформировались и стали активно разрабатываться такие направления, как гуманизация техники и широкое толкование технократической элиты. Это, во-первых. Во-вторых, главным направлением экспликации социального идеала стало меритократическое направление, представленное прежде всего в концептуальном пространстве теории постиндустриального общества, особенно после краха практики, а следовательно, в каком-то смысле и теории коммунистического идеала. В-третьих, концептуальные

перемены в самой парадигме технологического детерминизма привели к соответствующим изменениям и в идеях технократизма, сумма таких изменений привела в конце XX века к формированию нового качества теории – так называемому неотехнократизму. И в завершении анализа технократических идей хотелось бы отметить следующее – колебание маятника интеллектуального поиска и общественного мнения от техницизма начала XX века к технофобии конца века привело к резкому падению престижа и авторитета инженерного труда и инженера как социальной роли, что ни в коем случае нельзя признать нормальным или хоть сколько-нибудь оправданным. Семантика технократического пафоса (при всех его недостатках) заслуживает внимания и поддержки по крайней мере как способа интеллектуального поиска и обоснования адекватной социальной, в том числе и властной роли научно-технических специалистов в условиях принципиально нового глобального информационного общества XXI века.

Литература:

1. Копылов В.А. Технократия: поиски социального идеала в проблемном поле технологического детерминизма (начало пути) // Гуманітарний часопис: Збірник наукових праць. – Харків: ХАІ, 2006. – № 3.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с англ. под ред. Л. Иноземцева. – М., Academia, 1999.
3. Seyfarth C. Weber's Begriff // Max Weber: Connotations and Interpretations. – N.Y.; L., 1993.
4. Fourastier J. Le grand espoir du XX-e siecle. – P., 1949.
5. Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. – N.Y., 1970.
6. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. – М., 1969.
7. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. – М., 1976.
8. Touraine A. The Post-Industrial Society: Tomorrow's Social History; Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. – New York, 1971.
9. Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.